

Наш «Дальний Восток», как известно, начинался с журнала «На рубеже». Недаром Василий Ажаев в романе «Далеко от Москвы» (1948) дал Хабаровску псевдоним Рубежанск. Самый первый номер журнал был обозначен как «Дальневосточный литературно-художественный и общественно-политический альманах» (октябрь 1933 года, Хабаровск).

Затем, начиная с 1934 года издание называется журналом и выходит сдвоенными номерами, которые называются «книга первая», «книга вторая» и т. д. В 1937 году журнал закрывают на полтора года. Его возобновляют в апреле-мае 1939 года, причем в качестве редакции указана «редакционная коллегия», ни одной фамилии...

На фотографии газеты «Правда» (1934) представлена группа дальневосточных делегатов Первого Всесоюзного съезда писателей во главе с Александром Фадеевым: прозаик И. Шабанов, поэт Эми Сяо, летчик Б. Пивенштейн, писатель П. Кулыгин, поэт Анатолий Гай, прозаик Н. Пысин, поэт Ф. Зуйков.

Но почему летчик среди писателей? Б. Пивенштейн — участник челюскинской эпопеи, именно к его экипажу был прикомандирован Петр Кулыгин, для этого ему пришлось экстерном сдать экзамен на моториста. Журналист деятельно участвовал в спасательных работах и успевал передавать репортажи в Хабаровск и в Москву. В этом же году будет издана «Повесть о героях», но она надолго будет закрыта и забыта, ибо даты жизни П. Кулыгина 1906–1938 гг.

Так что фотография из «Правды» — это только штрих к портрету эпохи — героической и трагической. А персонажи с фотографии — активные участники журнала «На рубеже». Ведь еще в 1929 году Максим Горький высказал дальневосточным писателям такое пожелание: «А ваш край подтягивайте к центру хорошими эдакими художественными произведениями...»

В 1933 году из Москвы на Дальний Восток приехали Александр Фадеев и Александр Довженко. Первый — чтобы помочь оформить местной писательской организации (РАПП была ликвидирована в апреле 1932 года), второй — чтобы создать художественный фильм о Дальнем Востоке на современном материале. Авторитет А. Фадеева, автора популярного романа «Разгром», был настолько велик, что помог решить вопрос с литературным журналом и помещением для него. Этим помещением стал второй этаж в особняке на Комсомольской улице, раньше там располагалось Общество политкаторжан. Более полувека в том историческом доме сосредоточивалась литературная жизнь, а мемориальная доска увековечила имя основоположника — Александра Александровича Фадеева (но что в этом доме сейчас?).

Итак, журнал был основан А. Фадеевым и оставшимся в тени И. И. Шацким, опытным редактором, приехавшим из Архангельска. Фадеев согласился быть от-

ветственным редактором, однако руководить журналом приходилось ему издалека, из Москвы.

В разное время в редакции журнала «На рубеже» состояли разные писатели: В. Афанасьев, М. Алексеев, А. Гай, Е. Горбань, Б. Кисин, П. Кулыгин. И. Шабанов, А. Эстрин и др. Судьба многих неизвестна, или мы знаем о них очень мало. Так, в 1933 году в журнале написано, что глава местных писателей — О. Эрлберг (кстати, он был делегатом Первого писательского съезда), затем мы узнаем, что с 1936 года М. А. Алексеев — председатель Дальневосточного правления ССП. Кто они, на это ответит лишь архивист-историк.

Но перед нами сохранившиеся номера уникального дальневосточного журнала за тридцатые годы. И эти тексты передают голоса той поистине утопической эпохи. Вот отклик М. Алексеева на смерть Горького: «Весь ход нашей жизни, весь ход пролетарской революции в нашей стране говорит о том, что недалеко то время, когда грянут раскаты мировой пролетарской революции, когда новые советские социалистические республики будут возникать далеко за пределами нашей родины. И вклад, который сделал великий мастер литературы Максим Горький, приближает к нам это боевое, прекрасное будущее». Здесь же стихи П. Комарова «И кто сказал, что Буревестник умер?» и воспоминания А. Гая о том, как он получил из Сорренто письмо от Горького: «Вы — даровитый человек, и Вам следует отнестись к себе серьезно...»

Читатель столь удаленных по времени текстов оказывается в ситуации отстранения, ему трудно выбрать собственно предмет осмысления: идеологию или эстетику или просто реалии и персоналии той жизни. Надо признать, что информационно-документальная и пропагандистская составляющая журнала «На рубеже» не менее значительна, чем художественная, а порою и интереснее.

И тем не менее напечатанные в тридцатые художественные произведения демонстрируют разнообразие талантов и огромный выплеск творческой энергии — вопреки удручающей унификации идеологии и творческого метода (соцреализм). Но два документа следует все-таки привести. Редакционная статья книги второй 1936 года «На рубеже» называется «Против формализма и натурализма в литературе». Понятно, что, солидаризируясь с «Правдой», авторы объявляют и формализм, и натурализм главными врагами соцреализма. Но любопытны аргументы, которыми они оперируют: система формализма, оказывается, тождественна взглядам и методам кантианцев, потому и Кант, и кантианцы предаются анафеме. В качестве примера пустопорожней эстетической игры приводятся пять строк Алексея Крученых:

*Кюн-ю лу
ллу-алун
Хэн даэн
Хана дын
Чолах ...*

Футуристы напрямую не названы, но ведь стоит вспомнить о том, что в предшествующий период (а именно 1917–1922 годы) их присутствие на Дальнем Востоке было весьма заметным, но позже сошло на нет. Забегая вперед, скажу, что самый яркий дальневосточный поэт тридцатых Вячеслав Афанасьев пишет в героико-романтическом ключе и несколько не похож на «лучшего и талантливейшего».

Но вернемся к редакционной статье. Далее идет комментарий к обсуждению статьи «Правды» в газете «Тихоокеанская звезда»: «Тов. Кулыгин признал... Тов. Титов уклонился от разбора... Тов. Семен Бытовой заявил, что учился у Пастернака и Гумилева. «А чему учился, Аллах его ведает?»... Тов. Ан. Гай добросовестно

разобрал свои формалистические ошибки!.. Тов. Шабанов назвал свое произведение «Лакировка» натуралистическим...» Так жили писатели...

Семнадцатого августа 1936 года состоялся общегородской митинг писателей и работников искусства по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра», а состоялся он в Хабаровском театре имени Горького (где тот театр?) ... «Гневом горят наши сердца... Не дремлет наша победоносная партия и детище ее, неусыпный страж революции — НКВД... Клянемся всемерно повышать нашу бдительность... Требуем высшей меры наказания гнусным предателям родины, фашистским наймитам, двурушникам и убийцам из-за угла из троцкистско-зиновьевского центра... Да здравствует большевистская организация Дальнего Востока во главе с одним из лучших учеников и соратников великого Сталина товарищем ЛАВРЕНТЬЕВЫМ!»

Тов. Лаврентьев Л. И. успел обратиться к писателям, работникам кино и журналистам по всесоюзному радио с призывом: покажите, что на Дальнем Востоке, как и во всей стране, жизнь трудящихся радостна и прекрасна. Увы, Лаврентий Иосифович был расстрелян в 1937 году вместе с Г. М. Круговым и другими «руководителями» вымышленного правотроцкистского центра (Ян Гамарник застрелился сам в мае 1937-го). Но призыв первого секретаря Далькрайкома ВКП(б) был услышан.

Так, ленинградская писательница Мария Шкапская прибыла на Дальний Восток, чтобы здесь продолжить серию Горького «История фабрик и заводов». Она участвовала в работе отряда ЭПРОН (экспериментальные подводные работы особого назначения), для чего, надев водолазный костюм, спустилась в морские глубины. Мария Шкапская известна как автор книги рассказов и очерков о ДВ — «Вода и ветер».

В тридцатые на Дальнем Востоке побывали и написали о нем Бруно Ясенский, Илья Сельвинский, Аркадий Гайдар, Евгений Долматовский, Николай Костарев. Французский писатель Поль Вайян Кутюрье не только побывал, но опубликовал в журнале «На рубеже» «Три китайских новеллы» (1934, книга первая). Дальний Восток притягивает и просто конъюнктурщиков, так как дальневосточная тема становится актуальной. Пишут о партизанах, о пограничниках, о БАМе. В. Эрлих и Н. Береснев прибыли из Ленинграда писать сценарий к фильму «Волочаевские дни». Вольф Эрлих оставил сочинения и в других жанрах, например, в журнале «На рубеже» есть стихотворение «Поклон»:

*Кораблям большим и скорым
От седых штабных колонн,
От старушки — от «Авроры»
Я привез сюда поклон.*

Эпоха тридцатых на Дальнем Востоке, вероятно, никогда не получит однозначной оценки, как и литература тех лет. С одной стороны, романтизация мировой революции и братоубийственной Гражданской войны, с другой — романтика освоения природы, героическая индустриализация и образ человека-созидателя, человека-воина. И всегда — традиционная и добротная проза натурфилософского характера, идущая от В. К. Арсеньева и Т. М. Борисова. В отличие от эпохи футуризма, в тридцатые погоду делают местные писатели и их журнал.

Поэтому заглянем внимательно в самое начало, в альманах 1933 года. Там есть «Заметки о художественной литературе» Е. Титова.

Елпидифор Иннокентьевич Титов (1896–1938) — значительная фигура литературной жизни Хабаровска тех лет. В этих заметках излагается концепция нового журнала. В последние годы, отмечает Титов, изданы новые книги о Дальнем Востоке: «Последний из удэге» А. Фадеева, «Новая Даурия» и «Корень жизни» М. Пришвина, «Великий или Тихий» В. Лидина; но все это издано в Москве, в журналах «Новый мир», «Красная новь». «Мы даже своего, дальневосточного писателя Арсеньева чи-

таем буквально из-под полы, потому что его трудно достать, потому что его издает Москва, не рассчитывав на рынок ДВ», — пишет Титов.

Тут появляется арсеньевская тема как предвестник и его, Титова, трагической судьбы. В 1932 году в газете «Красное знамя» появилась статья «В. К. Арсеньев как выразитель великодержавного шовинизма», так началась посмертная травля отважного писателя и путешественника; не помогла «охранная грамота» М. Горького. Титов, сподвижник Арсеньева по экспедиции 1925 года (совместно написали книгу о народах ДВ), пытается защитить Арсеньева от обвинений сограждан («Нет пророка в своем отечестве»). Далее идут выразительные строки, которые Титову не простили: «Дальневосточному отряду РАППа, малочисленному, краткосрочному и ничтожному, принадлежит сомнительная честь «угробления» талантливого писателя...»

Конечно, Титов защищает Арсеньева сообразно воззрениям эпохи: да, как ученый, Арсеньев был продуктом буржуазной колонизаторской среды, но, как художник, он преодолел классовую ограниченность, особенно в книге «В дебрях Уссурийского края»... Ему надо было помочь, а не ополчаться против него, так писал Титов в первом номере «На рубеже».

К сожалению, в следующем номере ему придется признать сказанное ранее ошибочным. Титов был человеком многогранно талантливым, он один из первых членов Союза писателей СССР среди дальневосточников и первый ответственный секретарь журнала «На рубеже». В книге А. Сутурина «Дело краевого масштаба» (Хабаровск, 1991) Е. И. Титову посвящена глава «Решительно отвергаю», достоверно излагающая трагическую историю писателя. Нам остается внимательно прочесть его тексты в журнале «На рубеже»: сцены «Конец Серебряных», многочисленные литературные и театральные рецензии.

Вот что он писал о стихах Вячеслава Афанасьева (а без них не обходился ни один номер «На рубеже»): «Некоторые из них выдерживают сравнение с лучшими образцами современной русской поэзии. Много ли найдется у нас ямбов, равных по энергии ритма, по точности эпитета, по глубине образа, широте обобщения «Сучану» Афанасьева?

*На солнце рыжее урча,
В дыму ворочался Сучан
И бил клыками динамита
В густые ночи антрацита...»*

Когда вспоминают самого Елпидифора Титова, а публикаций о нем появляется все больше, то цитируют стихотворение «Сын земли», написанное летом 1918 года в Забайкалье, откуда он родом:

*Я сын земли, давно забытой Богом,
И для меня иной отчизны нет,
Чем этот скудный край, где жидкий свет,
Как молоко, дрожит зеленым логом.*

В газете «Тихоокеанская звезда» Е. Титов заведовал двумя отделами — международным и литературным. «У нас на глазах был взят, уведен из редакции и отправлен в неведомые круги ада Е. И. Титов», — написала в своем очерке «Родник его поэзии» Ю. А. Шестакова, она тогда работала литературным секретарем «ТОЗ». Так был насильственно изъят из жизни талантливый человек в расцвете сил.

Судьба «лучшего поэта ДВК» (так его аттестовали в журнале «На рубеже» Вячеслава Николаевича Афанасьева сложилась иначе: он успел издать три поэтических сборника, много печатался в периодике. Поэт погиб в сентябре 1943 года в бою под

Смоленском. Увы, репрессии или война предопределили жизненный путь многих литераторов, в том числе печатавшихся в журнале «На рубеже».

Напомним современному читателю биографию тамбовского уроженца Вячеслава Афанасьева. Юноша из сухопутной средней России мечтал о море, и он его увидел во Владивостоке, и не только море, но и океан. На Дальний Восток он прибыл по комсомольскому призыву и прожил здесь пятнадцать лет. Работал молотобойцем в железнодорожных мастерских, маляром, грузчиком в морском порту; одновременно учился в ДВГУ; был призван в Красную армию. Начал печататься во владивостокской газете «Красное знамя», первый сборник стихов «Восток» выпустил в 1935 году; книжку высоко оценил А. Фадеев. И сам поэт знал себе цену: «Мы в Москву не ездили за песней, — / Сами в этом деле мастаки». Глядя на амурские берега, поэт увидел и шумную экзотику «стойбищ кочевых народов», и шаги машин, передельвающих лицо края и психологию старожилков. Поэт прощается с деревянными богами древнего Амура:

*Безусый сбросил бога с кручи
В круги прозрачные реки,
И бог поплыл, тяжелый, скучный,
Плечом толкая челноки.
Никто тоскливо и тревожно,
Никто не крикнул — «выдыбай!».
Плыви, плыви, древесный боже,
Веков низвергнутых судьба.*

Стихи Вячеслава Афанасьева не забыты и в наши дни, они включены в сборник «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне». А в заметках о русских поэтах Александр Кушнер сообщил о том, что стихи Афанасьева привлекли внимание О. Мандельштама: «Простенький, но запоминающийся мотив стихотворения Афанасьева (четырёхстопный хорей) оказался для старшего поэта чем-то вроде песни, случайно услышанной и — неотвязной» («Литературная газета», 28 декабря 1999 года). А речь идет об одном из ранних стихов Афанасьева «Под Тамбовом, под Тамбовом / Протекает речка Цна, / В мост высокий, в мост дубовый / Ударяется волна». Эхо этого стихотворения Афанасьева отразилось в воронежском цикле Мандельштама...

Но вернемся в тридцатые годы. Конечно, поэзию в журнале представлял не только В. Афанасьев. Анатолий Гай, Семен Бытовой, Евгений Горбань, Валентин Дудоров, Петр Оборонцев, Эми Сяо и, конечно, начинающий Петр Комаров — авторы журнала «На рубеже».

Логично, что военно-пограничная тематика как наиболее актуальная находит отражение в таком оперативном жанре, как стихотворение или поэма. У Комарова — «Пограничная ночь», у Оборонцева — «Песнь о стрельбах», у Бытового — «Шлюпочный поход», у Горбаня — «Песня о Блюхере», а Гай даже пишет в новом жанре — это поэма-очерк «Боевые подруги». Там есть строки:

*Не спят артиллеристы и пилоты,
Стрелки стоят у боевого рва.
На взводе пушки, танки, самолеты
Могучей героической ОКДВА.*

Не зря поэт зарифмовал аббревиатуру ОКДВА (Особая Краснознаменная Дальневосточная Армия). Ее авторитет был велик, и она была овеяна победной славой, как и часовые Родины.

Уже в XXI веке Хабаровск официально признан Городом воинской славы. Материалы журнала «Дальний Восток» содержат интересные и убедительные аргументы в пользу этого признания.

В одном из номеров сообщается: «Маршал Блюхер приветствует приезд МРХТ, который в полном составе едет в части ОКДВА, — вступая тем самым в ряды культурных бойцов армии...» Еще одна аббревиатура тех лет МРХТ — Московский Рабочий Художественный театр. Этот МРХТ показал армейцам пьесу И. Всеволожского «Санта-Роза». Вообще, этот период был интересным и продуктивным для драматургии.

Судя по литературным заметкам Елпидифора Титова из самого первого номера «На рубеже», можно было ожидать в следующих номерах появление большой прозы. Таковая была представлена отрывками из третьей части «Последнего из удэге» Александра Фадеева, другими, оставшимися безвестными произведениями. Как ни странно, драматургия как жанр оказалась в тридцатые самой актуальной. Наверное, потому, что соответствовала партийной догме того времени — теории обострения классовой борьбы по мере приближения победы социализма; ведь любая пьеса построена на конфликте.

Этот первый номер журнала открывается пьесой в шести главах «Сихоте-Алин» Бориса Кисина. «Сихоте-Алин ждет человека! И человек идет на Сихоте-Алин! — таков пафос пьесы. — И вместе со зверем, с болотами, с непроходимыми чащами отступают перед ним забитость, темнота, дикость, разобщенность, нищета одиноких фанз, отступают паучьи гнезда кулацких хуторян...»

Биробиджанская тема занимает важное место в номерах журнала тридцатых годов. Достаточно сказать, что в альманахе дебютировал Эммануил Казакевич с очерком «Биробиджанстрой», есть тут и «Песня о Биробиджане». А первая книга 1934 года открывается романом молодого писателя Г. Добина «Биробиджанцы» (перевод с рукописи на еврейском языке И. И. Шацкого). Насколько можно судить по переводу, роман Г. Добина обладает определенными художественными достоинствами, есть в нем и шолом-алеихемский юмор. Вот фрагмент про то, как вытаскивали из реки застрявшие бревна:

«Бройтман стоял над колодой в воде, как здоровый подмастерье мясника у недорезанной скотины, которая каждую минуту может зареветь и опрокинуть его. Бройтман хотел плотнее уложить бревно, но не мог один повернуть. Его силы ему хватало лишь на то, чтобы не пропустить колоды, которые хотели прошмыгнуть у самого берега, и на то, чтобы чувствовать, что эти два еврея ему совсем не помогают, они только ковыряются — эти бездельники. Но скоро он пожалел о своей мысли. Мота поскользнулся и упал в воду. А когда бледный и вымокший поднялся, он взбешенный бросился к колоде, как будто желал сделать кому-то назло, но скоро Мота почувствовал, что силы его оставляют. Все вокруг — речка, кусты на голубом горизонте — закружилось перед глазами, но он все-таки не отступил, пока не почувствовал, что кто-то его тихо оттолкнул, поставил ногу на его ногу под водой. Берг встал на его место: “Идите, дяденька, отдохните себе...”»

Проза тех лет могла бы читаться с интересом, если бы не была так предсказуема. Это относится и к драматургии. Журнал сообщает, что в 1935 году в Ворошилов-Уссурийске вышла пьеса Фирса Шишигина «Родина»; о предыдущей пьесе этого автора восторженно отозвался Петр Павленко. Нынешний рецензент, а это Петр Комаров, считает, что это просто отличная пьеса и потому, что это первая пьеса о Красной армии и для Красной армии, и потому, что она естественна, как жизнь. «Просмотрев «Родину», — продолжает Петр Комаров, — нельзя не вспомнить замечательные слова товарища Сталина, что Дальний Восток является тем самым местом, где советский патриотизм должен гореть особенно ярким огнем». Далее рецензент сравнивает пьесу Ф. Шишигина с кинокартиной «Горячие денечки», конечно, не в пользу последней. К недостаткам пьесы Комаров относит то, что политрук из пьесы недостаточно бдителен, нельзя превращать его в равнодушного созерцателя событий.

Равнодушие, то есть скорее социальная пассивность, были объявлены величайшим грехом и подлежали искоренению. Так, рассказ Оскара Эрдберга «Стремительная весна» из первого номера выводит человека, у которого — «любовь без страсти, работа без веры, ненависть без злобы». Как отмечает журнал в редакционной статье, «такие типы встречаются в нашей жизни, есть они и среди работников печати, и среди литераторов. Так что в преддверии Первого краевого съезда советских писателей Дальнего Востока нужно искоренить равнодушие и серость. Знаменательное событие должно состояться 15 апреля 1934 г., в комиссии по его проведению тт. Г. Петров, И. Шацкий, И. Шабанов, В. Мирин».

Во второй книге 1934 года снова пьеса: Г. Кобец «На заставе», комедия в пяти картинах. Тот же автор опубликует в возобновленном журнале 1939 г. киноповесть «Герои Балтики».

Однако наряду с военной тематикой в середине тридцатых требовались произведения о перековке преступных элементов на стройках социализма, и такая пьеса появилась в журнале «На рубеже». Это пьеса в четырех действиях, восьми картинах «Радость» Сергея Федотова. На современный взгляд, она выдерживает сравнение и с «Аристократами» Николая Погодина, и с рассказами из книги «Беломорско-Балтийский канал». Здесь речь идет о перековке на БАМЛАГе, действующих лиц — тридцать один, заключенные представлены кличками: Чиж, Чума, Личность, Лошадь, Хруст, Снайпер и т. д. Начальник КВО (культурно-воспитательного отдела) — Жаров Александр Николаевич. За что оказался в лагере поэт Зефирив, не совсем ясно, скорее всего за то, что писал пессимистические стихи:

*Я с прекрасным надолго в разлуке,
Не хочу я ни строить, ни ждать.
Не хочу я в жестокие руки
Свое нежное сердце отдать.*

На что Жаров объясняет заключенному поэту: «И песня, и стих — это бомба и знамя». Между ними идет постоянная интеллектуальная дуэль, в которой побеждает начальник КВО. Но и поэт Зефирив не лыком шит: он становится путеармейцем и не хочет уезжать с БАМЛАГа. Между тем автор пьесы показывает, что поэт он талантливый. Еще одно четверостишие:

*Мне не жалко потерянной родины,
Мне не жаль позабытых друзей.
Жалко мне, что морозом ободраны
Неживые запястья ветвей...*

Перековываются и уголовники в процессе строительства магистрали, их настигает раскаяние, прозрение, радость, словно в библейских сюжетах, но с поправкой на коммунистическое будущее. С. Федотов написал очень яркие монологи-исповеди разных персонажей, не впадая, однако, в блатную феню. Из исповеди Волги: «Я сегодня впервые солнышко вижу, товарищ начальник... Помню, мы с Чижом у одной старушки-покойницы ночью в церкви золотые зубы дергали. Плоскогубцами... Помнишь, Чиж? Церковь гулкая, холодная, темная... И вот с тех пор запомнилась мне она, и все мне казалось, что в жизни я, как и в церкви этой. Потолка и стен нету, а насквозь до самого неба большая и черная тьма. Ни звезды, ни облачка, ничего. И вот... И вот я сразу солнышко увидел...» А вот что говорит Жаров в своем главном монологе: «Весна... Солнышко... Хорошо, товарищи, наша жизнь хороша, товарищи. Потому что работаем вместе. Потому что социализм строим, советскую власть крепим. Вот вы новыми людьми пойдете отсюда строить новые города, новый мир строить... Раз-

ве не радость это? Мы были веками лишены ее. А теперь взяли радость с боя, и она горит над нами. Обращая к ней свое лицо, Волга встал с нар и сквозь бурю и ночь повел свою бригаду в бушующую реку. Волга нашел свою правду, отыскал в себе радость... Нельзя, ребята, жить в нашей стране без радости и без правды. Нельзя». В конце пьесы путеармейцы поют марш БАМЛАГа:

*Врубаясь в сопку вековую
Не раз испытанным кайлом,
Мы нашу песню боевую
Споем, товарищи, споем...
Вперед, ударники БАМлага,
Эх, ярче солнышко светит,
Вторые мы сдаем пути...*

Читая эту пьесу три четверти века спустя после ее написания, можно убедиться, что запредельный идеализм и почти религиозный пафос воспитателя-проповедника Жарова (Федотова) абсолютно искренний и несет позитивную энергетику, которой было заряжено время. Потому закономерно считать середину тридцатых временем расцвета журнала «На рубеже». Другое дело, когда радость объявляется почти в приказном порядке. В 1939 году Дальгиз выпустил тиражом в две тысячи экземпляров книгу стихов Арона Копштейна «Берег радости» — о Дальнем Востоке.

Журнал откликнулся одобрительно: в рецензии на «Берег радости» сказано, что книжка особенно хороша тем, что в ней любовно описана биография товарища Сталина. И в самом деле:

*В прекрасный день октябрьского парада
По площадям торжественной земли —
От Сталинграда до Сталинабада,
От Сталино до Сталинска мы шли.*

Нельзя не согласиться с Александром Кушнером, когда он пишет: «Вячеслав Афанасьев не из тех советских графоманов, каких в тридцатые годы расплодилось великое множество».

Но продолжим обзор драматургии в журнале «На рубеже». Речь пойдет об интересном опыте в чудесном жанре оперетты, точнее, музыкальной пьесы «КИ-САНЬ», авторы — поэт С. Бытовой, композитор Б. Пекарский, драматург В. Вознесенский. Пьеса в постановке Хабаровского театра музыкальной комедии шла в Хабаровске и Владивостоке. В шестой и седьмой книгах за 1935 год журнал широко освещал постановку, приглашал высказаться; были также опубликованы стихи из пьесы. Режиссер М. Нильский так и назвал статью — «Наша первая победа». Это культурный праздник нашего города, такое было единодушное признание. Остается из сегодняшнего дня пожалеть, что не осталось видеозаписи... Но кое-что о сюжете этого занятого спектакля можно рассказать.

Ки-Сань — это девушка, проданная в китайский домик в качестве проститутки-танцовщицы. Согласно нелепым обычаям старины, бедному корейскому крестьянину в дни арендной платы ничего не остается, как продать свою дочь. А каково живется девушкам в этих чайных домиках, где им приходится развлекать японских офицеров (Корея в те времена была, по существу, колонией Японии)? Так что пьеса «Ки-Сань» имеет определенную социально-политическую подоплеку и даже полемизирует со старой классической опереттой «Гейша». Девушку разлучают с возлюбленным — рыбаком, но, в конце концов, после ряда перипетий молодые люди находят друг друга. Тут присутствует и мотив международной солидарности, и неприятие паназиаатских устремлений Японии.

Конечно, счастливый конец predetermined законами жанра: если в первом акте рыбак Тен-Ю-Чен только мечтает о советском Посьете, то в третьем акте он уже в Посьете.

Журнал в тридцатые годы был по-настоящему интернациональным: не только коренные народы Дальнего Востока, но Китай, Корея, Япония представлены писательскими именами и различными материалами о них. Звучит антифашистская тема в поэме А. Кушнирова «Приговор приведен в исполнение» (перевод с еврейского Г. Фрид). Действие этой пьесы в стихах происходит в Австрии 1934 года. Герой, коммунист Матиш, приговорен, но он бросает вызов своим палачам:

*Боролся я в условиях суровых
За счастье, за победу пролетариата.
Вы взяли в плен меня, стою пред вами скован
И знаю наперед, какая ждет расплата.
Но что вас ждет? И вас, и прочих —
В тот день, когда средь более достойных стен
Предстанете перед судом рабочих,
Не победив, которых вы забрали в плен?
В пять тысяч шиллингов я оценен у вас, —
Высокая цена! Солидный куш! Богатый!
Мы ж гроша не дадим за весь ваш класс
В день подлинной расплаты.*

В первой книге журнала за 1934 год напечатана статья Александра Фадеева «Из моего писательского опыта». Есть в ней рассуждения на морально-этические темы, небезыңтересные для сегодняшнего читателя. «Нет отвлеченной «общечеловеческой», «вечной» морали, — писал Фадеев, — высшим моральным качеством для революционера является то качество, которое Ленин требовал от каждого сознательного рабочего, от каждого коммуниста и комсомольца. Помните, он говорил, что морально все то, что исходит из интересов революции, из интересов рабочего класса, и не морально все то, что идет против революции, против рабочего класса». Именно эти идеи Фадеев стремился художественно воплотить в романе «Разгром», он их и воплотил. Тем удивительнее было прочесть в седьмой книге «На рубеже» за 1936 год сцены из трагедии Семена Бытового «Сергей Лазо», которые как будто полемизируют с Фадеевым и его героем Левинсоном.

Трагедия написана в стихах. В этой сцене Лазо обходит раненых: «он хромает, ноги его обвязаны тряпками; на лице — повязка, за плечами — винтовка, стволом вниз.

***Раненый:** Бросай меня, начальник, не скупись.
И полверсты пройти я не сумею...*

***Лазо:** Лежи спокойно, друг. Не шевелись,
Не будоражь себя, гляди смелее,
Вот переждем... Вот переждем грозу,
А там пути останется немного,
Еще денек и всех вас доведу
И мертвых не оставлю на дороге».*

Претендентов на пьесу о Сергее Лазо было немало, Елпидифор Титов вместе со своим другом Петром Кульгиным тоже начали совместную работу, которую закончили в 1936 году. Как писал Титов в своих показаниях, пьеса была принята к постановке

Центральным Домом Красной Армии в Москве. Из личного дела Титова можно также узнать о документах-доносах, сыгравших роковую роль в его судьбе. И среди них длинное письмо Семена Бытового, представляющее собой целый набор компромата на Титова, приведем лишь фрагмент: «Будучи в Москве, Титов просил руководство театра ЦДК послать свою пьесу «Сергей Лазо» врагу народа Гамарнику под тем видом, что якобы Гамарник «бывший дальневосточник» и знает хорошо тему...»

Такой была драматургия жизни и литературы.

Душою отдохнуть от борьбы с «врагами народа» позволяет проза известного рыбоведа и писателя Трофима Михайловича Борисова (1882–1941), а ее немало в журнале. В первой книге 1936 года есть очерк «По широким плесам», в котором и стиль, и общечеловеческие ценности — все на месте, это можно увидеть и в маленьком отрывке, рассказывающем о знаменитых петроглифах: «Около Сикачи-Аля находятся «писанные камни». Видеть их можно не всегда: они расположены недалеко от среднего уровня реки и в паводок скрываются под водой. Эти камни сфотографированы были и описаны путешественником Лауфером... Какой-то древний народ оставил на них после себя устоявшую еще против действия воды и времени клинопись. Немного черточек, неясные очертания загадочных фигур, чуть уловимый намек на бытовую сцену, — все это при поверхностном взгляде на камни можно принять за обыкновенные царапины и трещины. Между тем, этот неясный памятник отдаленного прошлого волнует больше, чем четко выведенные на веленовой бумаге глубокомысленные изречения философов...»

Рубрика «Дальневосточные очерки» вообще очень познавательна и интересна сегодня. В тридцатые годы на Дальнем Востоке выросли настоящие мастера документальной прозы, такие как П. Кулыгин (его «Повесть о храбрых», эпизоды челюскинской эпопеи можно прочесть в четвертой книге 1934 года) и А. Фетисов (его документальное повествование «Китобой» как бы связующее звено между тем и другим периодом: до закрытия и после возобновления). Конечно, и Кулыгин, и Фетисов, и другие герои и жертвы тридцатых годов достойны не то что беглого обзора, но и целой книги. И она появится.

Итак, журнал «На рубеже» попал в мясорубку «большого террора», как назвал Р. Конквест период 1937–1938 годов. В те годы массовые репрессии казались внешне хаотичными, но, как выяснилось значительно позднее, это была серия централизованных карательных операций против различных категорий населения, представлявшихся руководству страны во главе с товарищем Сталиным реальными или потенциальными врагами режима. «Лимиты» на аресты и расстрелы давались свыше, находились «ударники», которые перевыполняли «лимиты». Писателям досталось не меньше, чем кулакам. Им было очень трудно еще и потому, что, находясь внутри эпохи, они не могли понять эту эпоху так, как понимаем мы ее сейчас. Хотя сказать с уверенностью, что понимаем, нельзя — уж очень эта эпоха кажется иррациональной. В этих заметках хотелось показать, как, живя в черно-белом мире, люди работали с художественным словом и в каких жанрах.

В нескольких книгах 1939 года появляются новые писательские имена, которые и составят плеяду следующего поколения. Это Рустам Агишев, Андрей Ивенский, Иван Машуков, Дмитрий Нагишкин, Николай Рогаль, Юлия Шестакова и, конечно, Петр Комаров.

Журналу предстоит долгий путь.

